

***

профиль знамени и на нём орла,
мы заводимся вполоборота.
по теченью на юг гопота текла,
а на север плыла пехота.

мы, гуляя, крошили прозрачный лёд.
небо сбросило лишний снег.
если хочешь сказать, кто кому даёт,
то давай, говори при всех.

это твой упоительный страшный суд
и не менее страшный свет.
вот по улице хором святых несут,
и несёт чепуху поэт.

вот медовые фонари горят,
носит ночь наградные списки,
у весны за спиною заградотряд,
и она подступает близко.

точно белые гены в твою тетрадь,
лягут палочки и крюпочки.
в животе у природы темно сгорать
опухающей клейкой почке.

***

Личный опыт отменили —
никому не говори —
есть стандартные модели
пламенеющей зари.

И расхристанные ели,
и прямые тополя,
и суровые метели
из китайского сырья.

В щегольской своей рубашке
день вангогом пробежал,
вдалеке многоэтажка
меркнет, словно таджмахал.

Жизнь поделена на части:
посмотреть на ранний свет,
поучаствовать в несчастьях,
разобрать велосипед,

заложить расстрельной тройкой
личный опыт — пусть летит
к тем, кто грозной перестройкой
не подкошен, не убит.

Умри уже, писатель,
гони сюжет к концу,
кто в камуфляжной вате
протопал на плацу,
кто прыгал на танцполе,
кто травкой торговал,
а я без всякой боли
глядела в твой провал.
Там проносились годы,
там шмыгали века,
всем двигала природы
бесправная рука,
и белые знамёна
вздымались надо мной
Серёги с Малой Бронной
и Витьки с Моховой.
Но сколь ни грандиозно
переселенье душ,
интригу строить поздно,
и ты её разрушь,
тогда случится, верь мне,
наш комсомольский слёт,
рассеянный Альцгеймер
нам свечи поднесёт,
и двигаясь неверно
на света тонкий нимб,
мы разглядим наверно
вождя и будем с ним
подсчитывать убытки,
подвинчивать процент,
в советские напитки
подмешивать абсент,
и будет так же страшно,
как контуры ноля,
луна гореть на башне
Кремля.

донбасс

я буду честно потреблять
твои бездонные колодцы,
твои полезные запасы,
твои укромные рыдания
и распростёртые понты.

чтоб не теснить своих родных,
литые спальные районы,
своей иглы не дожидаясь,
уходят в поле умирать.

тут всякая стоит вода,
труба мирская мироточит,
ночное дерево вскипает,
луна гуляет в тихий час,
не видит нас, не видит больше
наш комендантский документ.

война куда-то повернёт,
и мы возьмём её за плечи
и скажем: ты на нас не смотришь,
мы над тобою говорили,
мы над тобою возносились,
какой же голой ты была.

она ответит: отвали,
я пела вам, и вы плясали,
теперь, свою освоив площадь,
палите сами холостыми
и разноцветными огнями
над приглашённую звездой.

***

Гугнивый Моисей, речистый Аарон
мне говорят: не ссы, война со всех сторон,
подвижна и светла, темны её границы,
за трещиной окна тебе ничто не снится.
Я говорю: о, нет! я говорю: ну да,
нас разоряет свет и поутру вода,
раскосые лучи всё наполняют дымом,
а ты стоишь стеной и говоришь с другими.
С безмозглой стрекозой, с порядком на столе,
они тебе молчат, как голос Левитана,
найди меня в моей рассеянной золе,
над пропастью вещей, у поворота крана.
Расщедрится земля и будет урожай
воссозданных хлебов и тучных миномётов,
мы будем их срезать при помощи ножа
до третьих петухов, до ангельского пота.

***

Ты меня не буди на рассвете
беспокоящим этим огнём,
мы теперь равнодушны, как дети,
мы, как боги, сдаёмся в наём.

в пролетарской кислотной косынке,
нестандартно во всём хороша,
на бессмысленно тающем рынке
бродит наша сырая душа.

ничего ей не надо, бедняге,
снег идёт, словно шок болевой,
ей мерещатся красные флаги
и ребёнок её гулевой,

и какие-то перья, и сажа,
и нескромный контекст гаражей,
и что эта подстава и лажа
стала облаком в славе лучей.

тонко режет хрустальная крупка
наши лица, лишь выйди во двор,
чтоб затеять свой тайный и хрупкий,
неземной деловой разговор.

***

открылся день ничтожный
поговорим о нём
воды улыбки ложной
в ладошку зачерпнём
уже гуляет в небе
проворная звезда
уже чернеет слепо
троллейбуса езда
в его рогах сгустилось
дыхание людей
и мыслит он про милость
и мякоть фонарей
гори оно пожаром
дыми оно собой
я этот день поджарый
и в меру пожилой
не в меру тонколикий
возьму к себе в кровать
где будет сердце тикать
и время токовать

***

Человек улетит,
улетит, а в осадке глина,
примесь песка,
всплески больничного хлора.
вспомнишь, как мама кляла и лечила твою ангину,
водка витала вокруг твоего компресса,
вечно сводя концы с концами, как Антигона
домашняя и ручная.
ну и куда мне всё это деть, если нет кармана,
брюк, и, похоже, ног, и, похоже, света,
чтобы на что-то глядеть, посмотреть, приметить
что-то навроде туннеля, костра, тумана,
что-то по типу рая.
только и слышно, что соловьи, цикады,
вечная стройка объекта, работа крана,
вой насекомых, не чающих даже веса,
звёздные визги детей и солистов хора,
поющего «...по просторам».

***

на этом золотом крыльце кто только ни сидел
наш гений, свой смущенно прикрывая огнестрел,
наш космонавт, прикрыв свой тенор ломкий,
и мы, закрыв друг другу рот,
чтоб не смеяться громко.

а дом стоял, а дом на всё глядел,
земля себя стелила под раздел,
легла под самый чёрный передел,
под каждого из нас.
«о, заграничные слепые идиоты!» —
бог песни пел
на три весёлых ноты
и никого не спас.

***

Мировое древо пошло на крест,
как шумело оно и пело,
и росло, как будто из веса в вес
полнокровное входит тело.
Боже, тучное дерево, но теперь
на пеньке его инвалидном
может есть и пить захудалый зверь,
малочисленный и невидный.
Боже, крепкой рукой заслони распили,
поддержи своих бедных спонсоров,
ты когда-то тоже здесь ел и пил
никому не известным способом.

Потому что снова земля — земля,
и вода себя знать не знает,
беспокойным знаменем шевеля,
солнце снова за дом сползает.

***

ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи,
твои вздохи на вынос, детские твои страхи,
твои книги, растленные в пионерских кострах?

ну как, дочка, повторенье вошло в привычку?
всё здесь шито, мыто, насквозь взято в кавычки,
молоко никак не обсохнет на ковылях.

а погода стоит грозовая, майская, рядовая,
мы с тобой посидим на краю, поживём у края,
неразборчивым почерком кроет тетради время
и, похоже, мутит со всеми.

а бумага терпит, горит себе, угорает,
и сестра моя всё это знает и всё не знает,
оборвалась струна, звенит, и горчит наряд,
у тебя там мосты горят, говорят, горят.

только ты со мной говори, напевая в дым,
твоим голосом подвенечным, твоим грудным.

***

больница была чиста, врачи деловиты.
все воды были заброшены, счёты сбиты.

напротив окна включили майское небо.
отец, ты ведь не был, скажи.
ну конечно, не был.

ведь это лишь капельниц синих слеза бежала,
и воздух гудел: «для чего вы меня рожали?»

кому же в награду ты, батя, минуты плавешь?
а если я буду левшой, ты меня поправишь?

а если собой, под опекой разрух и строек,
бежать, подражать, не вылезать из троек?

беги, поддержи эту землю молочным взором.
беги этим красным безвыходным коридором.

снаружи скажи только: «мама, не нагнетай,
тут рай».

***

пой мне музыку недовольных, убитый негр,
развези атональные выкрики по лицу,
я по маме предмет истерики, книжных нег
и субъект поголовной судимости по отцу.
и такая красная, красная мне цена,
что, упав на сыром перепутье, как надо, ниц,
слышу, поляя наша страна посылает на,
посылает поверх отменяемых всех границ.
о, я видела эту землю, школярский её разрез,
в нём мелькала руда или белая глина тел,
и себя забывающий класс на неё глядел.
а потом ерунда, лебеда, прорастает лес
молодой, и ни в чём не виновный, и редкий здесь,
и всего лишь собой разделяющий джаз и джаз.
нас и нас.
степь да степь.

***

Никакой не конец — горизонт — горизонт отступил,
бесконечное эхо всегда у тебя меж рёбер,
по сомнительным кольцам проверь этот мир на спил:
кто-то был нагловат, терпелив, аутичен, добр.

Все равно, все равно. Как линейный пример не крив,
выпадает всегда пара сросшихся переменных,
через рваные дни, под нацеленный объектив
нам ведут языка: говорит объективу пленный,

что гортань его стала уголь, а слово — вес,
и пройдя сквозь забой, он готов выдавать нам норму.
Уходя, оставляй записку «Христос Воскрес».
Этот святочный ливень с раскосым разрезом шторма

позволяет желающим просто ходить по воде,
помня тех, кто до нас был унижен и обморожен
на большой ледяной земле, голубой звезде,
где читают стихи, вынимают ножи из ножен.

***

Простая тактика земли — не прятать дыр,
анфас калмыцкий, профиль ретроградный,
и я стою — по счёту третий мир,
бессмысленный и неопрятный,
в цветастом платье, в солнце и траве,
за тем бугром, за этим рубежом
возьми правей, немножечко правей,
в районе спальном анемичный съём.
Тут чудеса — с позеленевших губ
сбивает спесь мазутная вода,
окраины поют, как однолюб
любил девицу, что была горда,
и на его услужливый «яволь»
она терялась и плела венки,
бросалась во все тяжкие, как голь
на выдумки, на тряпки, на стишки.
Не ехать им в предсвадебном авто,
где на капоте кукла-идиотка,
и говорить, как Достоевский, не про то,
и не про то и как-то так, нечётко.

у кого глаза велики, чтоб увидеть это,
как сжимают воду, траву, раскрашенный лист со света,
инфолента проваливается во тьму — не даёт ответа.
всё пытаюсь преодолеть зажим,
мы прогуливаемся от гримёрки до туалета,
повторяя: «а всё же жив».
как дымком в лицо, вылетая, дохнула спичка,
как мы Богу кидали картинки и песни в личку,
как на всё на это небесная методичка
неизбежно даёт добро,
под землёй гудит inferнальная электричка
не прорытого здесь метро.
как под жидким солнцем февральский ледок не тает,
как имущий власть неимущего покрывает,
в желторотое небо верхушки свои вонзают
придорожные тополя,
между нами стоит, между нами опять гуляет
эта голая мать-земля.
если хочешь видеть что-то поинтересней,
положи под язык сердечную песню песней,
таблетку завета, сухую облатку праха
и вдохни глубоко.

***

Те готовы к прорыву, эти готовы к штопке,
тот готов возместить, эта готова даром,
наш остывший домик превращается снова в топку,
и ты будешь её взволнованным кочегаром.

Все обочины будут прибиты легчайшим пухом,
и смола закипит на игле из тончайшей хвои,
и я буду орать свою песню, лишившись слуха,
ничего из себя не строя.

Мы читали того одного, что пасёт меж лилий,
и теперь он рассыпался мелом учебных целей,
где следы беспочвенных обвинений и бытовых
насилий,
несмолкаемых колыбелей?

стали слоистым инеем катакомбы,
списком с твоей иконы, с твоей подачи,
тихим орнаментом, лишь завитки и ромбы,
локоны страсти, кромешные стены плача.

Будем глазеть на небо во все глазницы,
буду твоей соратницей, чистым полем,
будешь моим хранителем, дикой птицей
на мировом престоле.